

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

РОМАНЫ Анатолия Иванова «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» многие, конечно же, не только читали, но и видели в многосериальных телевизионных фильмах, сделавших имя этого писателя широко известным. Но не только телевидение создало ему такую популярность.

Анатолий Иванов умеет запечатлеть стихию народной жизни, разворачивающейся как бы самостоятельно, органично, без видимой или натужной установки на «народность». В его произведениях все открыто заявлено: любовь и злость, радость и гнев, отчаяние и надежда. Личное и общее сходятся здесь в одной огненной точке, а человеческое проявляется в положениях, казалось бы, совсем безвыходных, когда герои доведены до такого состояния, что, кажется, кровь закипит в их жилах. И вместе с тем смертельная схватка добра и зла тут носит не абстрактный характер, не продиктована велением свыше, а имеет вполне реальные черты и порождена конкретными людьми и обстоятельствами.

Все это, безусловно, относится и к повести «Вражда» — центральной в новой книге А. Иванова. Она явно примыкает к его известным романам — «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов». Для повести «Вражда» тоже характерны многоликость и многоплановость повествования, большой охват событий, уходящих своими корнями в предреволюционное прошлое, то самое «сибирское» начало, что не только определяет быт, нравы, место действия и т. п., но и своеобразие натур действующих лиц, словно высеченных из камня, кристальных, цельных, с особой «ивановской» закваской. Невольно вспоминаются строки из «Повителя»:

«Время обтачивает людей, как вода прибрежные камни. На первыи взгляд голыши, обильно усыпавшие берег, вроде одинаковые и по цвету, и по форме. А расколешь камень, другой, третий — и видишь: до чего же они разные! У одного по всему сколу поблескивают на солнце, горят и переливаются крупные, золотисто-голубоватые блестки. Другой тускло и маслянисто отсвечивает срезанным, как по линейке, боком. А третий, оказываясь, был насквозь изъеден какой-то буровой ржавчиной...»

Вот и в этой повести автор «раскалывает» одного, другого, третьего и открывает в них то необычайное духовное богатство, нравственное мужество, то страшные бездны падения, на которое обречен человек, живущий по велению закона.

Кажется, вековечна и неисчерпаема вражда двух семейных кланов, как зловещий клубок наматывает она злобу и ненависть, сеет смерть и несчастья. Но не силе этой ненависти посвящена повесть, а силе противостояния ей, силе преодоления не только вражды, но и тягот военного времени, груза страшного лихолетья.

Несчастье за несчастьем обрушиваются на Екатерину — главную героиню повести, гнется она, да не ломится, обнаруживая неизбывные духовные силы, опираясь на помощь добрых людей. И каких воистину высоких

Повести. Издательство «Современник». М. 1983.

слов заслуживает простая русская женщина, вынесшая на своих плечах тяжкую ношу — нужду, голод, похоронки, смерть детей и многое другое, чему и название трудно подобрать. Именно о таких женщинах в одну из самых возвышенных минут своих и размышляет Екатерина:

«Лежа в кровати, Катя чувствовала теплый комок в горле, никак не могла его проглотить. Сон ее долго не брал, она все думала, да где же эти бабенки, заматанные до смертельной усталости и колхозной работой, и своими домашними делами, находят еще силы помочь ей, в сущности, чужому им человеку, и, главное, что их заставляет это делать? Вот даже Василиха, вечно хмуряя, нелюдимая, обзлившаяся на всех за несправедливое подозрение на нее в гибели Ксении Тихомиловой, носит в душе-то человеческое тепло, не растеряла его. Она не растеряла, старая баба Андрониха тоже, и Марунья-счетоводиха, и Легостаиха, и другие. А ведь ни у кого сложной жизни не было, колотила их жизнь без жалости, да не могла выколотить всю душу на усах и никогда не выколотит, не заморозит, вечно в тепличьей душе будет теплеть что-то живое, иначе бы и жизнь прекратилась, кончилась».

Нет, жизнь не прекратится, пока на свете есть вот такие люди. И вражду можно, должно победить — человечностью, верой в добро, борьбой за него. Как итог, как прозрение звучат в повести поистине мудрые слова: «Иголка вот служит, пока ушко не сломалось, а человек-то жив, пока душа в нем не погилбла».

Испытание человеческой души на излом, экстремальная ситуация, в которой обнаруживаются заложенные в личности силы — и добрые, и злые, — все это характерно и для повести «Жизнь на грешной земле». Налицо здесь еще больший накал страстей, еще сильнее противостояние добра и зла, еще обобщенней фигуры героев, словно вышедших из романтической легенды. Чего добивается Павел Демидов, жаждущий отмщения, от Дениса Макшеева — в свое время он оклеветал Павла, отнял любовь, поломал ему жизнь? Почему теперь Демидов преследует Макшеева, мучает его и сам мучается? Хочет погубить, а в то же время спасает от неминуемой гибели. Собирается простить, но и этого не может сделать. Однажды возникнув, зло порождает зло — шатка дорога вражды и ненависти.

И вот уже приемный сын Павла старается понять, что же все-таки происходит и есть ли на свете «самая справедливая справедливость». И хочет ответить на этот непростой вопрос Павел Демидов, проживший большую и трудную жизнь, и не может. Не может «объяснить сыну чего-то очень важного и нужного для него». Ну, а для Дениса Макшеева страшнее расчетов с Павлом оказывается встреча с собственной совестью — не выдерживает он мук раскаяния, бросается в прорубь. Так несколько сказочно, с допуском на значительную долю воображения заканчивается эта трагическая история. В ней все пронизано токами высокого напряжения.

Совсем иначе написаны две небольшие повести, заключающие сборник. В «Печали полей» еще сохраняются острота сюжета, резкое противопоставление двух взаимоисключающих характеров, но в то же время повесть очень лирична, овеяна поэтической дымкой, что уже скажется в заголовке. В основе же сюжета — знакомая история о том, как человек порядочный, но не умеющий защитить свое счастье, уступил человеку хваткой натуры, привыкшему брать, не задумываясь о порядочности. На чьей же стороне автор? Ни на той, ни на другой, однако мысль его ясна: человек ответствен за свое счастье, и оно нуждается в утверждении и защите.

Впрочем, не ради наивного морализаторства затеяно здесь повествование. Скорее, напротив: степень вины каждого из действующих лиц этой драмы не «личной истории» распределяется весьма проблематично. Конечно же, хамовость, неприкрытая наглость, непорочная жестокость Бориса Чехлова имеют однозначную оценку. Но почему все-таки Шура, ставшая жертвой этой напористости, бьет по щекам не его, а «невинного» Алексея, безусловно, любящего ее, но не проявившего твердости в критическую минуту? Доброта Алексея тут вдруг оборачивается злом, чистота — растерянностью, склонностью к мечтательности — безволием. Автор не впрямую, а всем ходом действия заставляет задуматься: что же более опасно — хамство, открытая подлость или же «оправданное» непотребство им под видом умиляющей собой порядочности? Это нечаянно, как бы само собой вытекает из непредвиденно развернувшихся событий и осложняется тем, что Алексей до конца будто бы и благороден, он не трус, не предатель, и, спрашивается, виноват ли он, что в весьма деликатных обстоятельствах не дал отпор наглецу? Ведь и Шура вела себя очень двойственно, играя с огнем. Возникают совсем непростые вопросы: неужто на хамство должно отвечать еще большим хамством, и разве счастье, вырванное из рук соперника с таким же звериным эгоизмом, может оставаться незапятнанным? Финал повести грустен, раздумчив — на этот раз прозаик предпочитает акварельные краски, полутона и нюансы.

Кажется неожиданной и «Повесть о несбывшейся любви». Снова — мотив утраты, печаль в конце недачно прожитой жизни. Так считает Валентин Чернышов, вспоминая юность, упущенные возможности, постоянное стремление идти облегченным путем быстрого — но пустого — успеха. Он писатель — фигура, надо сказать, тоже новая для А. Иванова. Натура сложная, противоречивая, углубленная в свои ощущения, мысли, переживания. На склоне дней Чернышов хочет понять, а не растратил ли он свой талант на пустяки и чего же в самом деле стоят написанные им произведения, которые постоянно хвалят критики (один из них показан с большим сарказмом) и к которым более чем прохладно относятся читатели? Отчетливо недовольство собой, навязчивое возвращение мыслями к прошлому, растущая неудовлетворенность итогами прожитой жизни, осознание, что им не сделано, не досказано нечто очень важное, существенное (а ведь дано было сделать, сказать!), — все это мучает Чернышова, призывает к суду совести, доводя его до такого состояния, когда раскаяние становится отрадой и сладкой мукой. И в этой повести события разворачиваются так, что герой не воспользовался представляющейся возможностью счастья — недаром и называется эта история повестью о несбывшейся любви. Только тут никто этого счастья не отнимал у Чернышова, он сам когда-то отказался от него, а теперь казнится и мучается тем, что всю жизнь шел не по тому пути. Атмосфера постепенно сгущается, и вот уже ожидаешь, что развернется подлинная драма, но завершается повесть сценой, пронизанной горькой иронией. — герой встречается в привокзальном ресторане с любимым критиком и поет ему дифирамбы. Тут не то что драмы нет — здесь настоящий фарс, нечто даже озадачивающее. Понимаешь, впрочем, полемический запал повести, роль героя-пескаря, который «подвергается» — подвергается в жизни да и затихнет, «обессилев». Здесь точка зрения, позиция автора более чем ясны...

Размышляя над несколькими неожиданными поворотами в творчестве А. Иванова, можно заметить, что писатель, стремящийся в двух последних повестях к более углубленному психологическому анализу, к подробно-неторопливому обзору предмета изображения, при этом вроде бы проигрывает в масштабах сти, эпичности, присущих его романам. Но это противоречие только кажущееся. Ведь поиски в новой теме, в новом жанре — вообще примечательная особенность художника, не желающего да и не умеющего застыть на прежнем уровне, проливающегося к иным рубежам.

Аристарх АНДРИАНОВ